

1.

Петра Ивановича вызвали в школу. Спокойный и рассудительный, он весьма удивился. Его сын вихрастый шестиклассник Кирюха учился и вёл себя прилично, повода для выговоров никогда не давал.

Классный руководитель Надежда Павловна взглянула на пришедшего с нескрываемым интересом.

– Вы инженер? – спросила она быстро, и было заметно, что эта молодая учительница женщина нервная, всё время ломала пальцы, будто они мешали ей говорить. – Кирилл мальчик хороший, но довольно необычный.

– Чем же?

– Он стал создавать проблемы. Кажется, слишком много времени проводит за компьютером. Ведь так?

– Не без того. Однако стрелялки и прочие детские игры терпеть не может и в сетях

не сидит, переписки не ведёт, лайками ни с кем не обменивается. В футбол во дворе гоняет исправно, но только после того, как домашнее задание сделает.

– Какие вы слова используете – исправно... Ему бы лучше книги читать, компьютер в больших дозах штука вредная.

– Когда-то и книжки считались вредными, их жгли. Да и в наше время... Однажды моя мама, тоже педагог, выхватила у меня из рук толстый роман и со слезами порвала.

– Небось, ночью читали вместо того, чтобы спать? Что за роман, наверное, про любовь? У подростков это обычное дело.

– Да. Но та книга называлась «Переяславская Рада», историческая. Я её взрослым попробовал перечитать, ерунда оказалась, в смысле художественного стиля.

Надежда Павловна посмотрела с ещё большим любопытством, потом вздохнула:

– Ну, вы хоть тогда поняли, какая у педа-

гогов трудная работа. Раз мама так на сыне сорвалась. И вот представьте, как мне отвечать на слова Кирюхи про то, что великий Нил ни в какое сравнение не идёт с Волгой, у неё устье перед дельтой в три раза шире.

– Это он карту открыл, там же космическая съёмка. На ней даже громадные тихоокеанские прибои видны вдоль всей Южной Америки. Я сам впечатлился. Неужели это вредно?

Учительница ещё быстрее захрустела костяшками пальцев.

– Вы простите, Пётр Иванович, но Кирилл порой сеет настоящую панику. Он заявляет, что скоро взорвётся самый большой вулкан в мире, этот... Йеллостонский.

– Йеллоустоунский.

– Простите, я не географ, я математик, привыкла к точным доказательствам. К чему эти вычитанные в интернете домыслы, что вулкан уничтожит всю жизнь на Земле?

– Нет, не всю, останется наша Сибирь, превратится в субтропики и американцы давно это знают и хотят туда вовремя переселиться.

Учительница вздохнула теперь уже совсем безнадежно. Она была с ухоженными ноготками и пышной светлой причёской – и наверное, поэтому чувствовала своё превосходство над лысеющим Петром Ивановичем. Многие взрослые считают роскошную причёску признаком ума.

– Так или иначе, но Кирилл вчера довёл одну девочку до слёз. Просто напугал своими рассказами. Примите меры.

2.

Кирюха учил бабушку управляться с клавиатурой. Бабушка Глафира, когда-то рвавшая «Переяславскую Радугу», была в очаровании от нынешних электронных техник и повторяла, что изобретение интернета

сродни открытию атома, переворачивает всю жизнь людей.

Больше всего восторгалась сводками погоды, каждый день просила внука набрать синоптические предсказания.

– Да ты сама набирай. Мышкой вот на этот значок щёлкай и всё.

– У меня уже мозги пресные, как вода дождливая.

Бабушка всегда так изъяснялась: не дождевая, а дождливая, не кружевной, а кружливый. Объясняла, что за время работы устала от правильных речей, и теперь хочет говорить по-стариковски.

– Но если ты, бабушка, наберёшь слово неверно, компьютер тебя не поймёт и нужное не откроет.

Глафира Семёновна покорно согласилась. Она была женщиной упрямой, однако Кирюху слушалась. Ведь он дивил её новой техникой. Скажем, поразил тем, как через интернет можно смотреть фильмы по собственному выбору. Она совсем недавно сотовала:

– Ну что стал за телевизор... Рекламой любое кино убивает. Да и сплошной мордобой предлагает. А мне так хочется старые ленточки поглядеть, ну хоть «Чапаева». Но поди дождись.

Кирюха тут же при ней набрал два слова, и по экрану поскакал Чапаев. Бабушка изумилась:

– Это что, нынче можно любое кино выбирать, как книгу в библиотеке? А вот я ещё Евстигнеева люблю и Тихонова.

Внук, словно фокусник, в одну секунду набрал названную фамилию и выскочили все фильмы с участием этого давнего актёра.

– Что посмотришь, бабушка, «Собачье сердце» или «Добро пожаловать»? Ещё вот «Берегись автомобиля», «Последнее лето детства», да что хочешь, без всякой рекламы про кредиты и подгузники. А вот твой

любимый Вячеслав Тихонов, с его участием «Война и мир», «Семнадцать мгновений», даже забытое «Дело было в Пеньково».

Глафира Семёновна глядела во все глаза на мягко бегающие по клавишам пальчики Кирюхи:

– Прямо сказка. Я там всех актёров помню. Не то что сейчас, все на одно лицо.

Про лица Глафира сказала неспроста. Она их безнадежно путала, не могла запомнить. По несколько раз переспрашивала, кто есть кто на экране. Более того, она не узнавала соседок во дворе и часто проходила мимо них, не здороваясь. Или наоборот: предупредительно раскланивалась с совершенно чужими, удивлённо смотрящими в ответ.

– Ой, память какая стала сырая, – сокрушалась Глафира. – Как жить теперь, меня же все знакомые начали ненавидеть.

– Это пагнозия, мозговое отклонение такое. Зато оно часто компенсируется обострённым образным мышлением, порой даже совершенно гениальным, – успокаивал Кирюха,

– Да ладно, брось, внучек. Стариковский сдвиг это, меня даже в поликлинику нельзя сдать для анализов.

Это она фразу мультяшного почтальона Печкина повторила, они с Кирюхой любили смотреть мультики и вообще фильмы, иногда очень серьёзные.

Кирилл снова забегал пальцами, одновременно говоря бабушке:

– Ты Брэда Питта помнишь? Он Ахиллеса в «Трое» играл, мы с тобой смотрели. Этот фильм сейчас называют самым лучшим в мире.

– Ахиллу-то? Помню. Красавец, а сыграл отлично. Красавцы обычно так не умеют.

– Ну да, Брэда считают блестящим артистом, звездой первой величины. Так вот эту звезду весь Голливуд ненавидит.

– Завидуют, знамо.

– И это тоже, но все люди друг дружке завидуют, просто редко это показывают. А Питта не любят за то, что не помнит своих партнёров по съёмкам. Полгода снимаются, а потом он с ними на пышных официальных тусовках не здоровается, хотя человек весьма воспитанный, как ты. А телевидионщики следят за каждым шагом, особенно за притворными восторгами при встречах звёзд на камеру. Неверное движение сделаешь, сразу скандал, весь киношный мир обсуждает.

И Кирюха показал на экран, где шли чередой сотни портретов симпатичного голливудца, а рядом в статье стояло слово «прозопагнозия».

– Прозо переводится как лицо, а пагнозия – неузнавание. Брэд теперь поэтому больше дома сидит, редко на публике показывается.

– Ничего, за мной камеры не следят, – махнула рукой Глафира, улыбнувшись; но было видно, что она расстроена и за себя, и за белобрысого Ахиллу.

3.

Кирилл отбил одноклассницу Катю от уличных собачонок. Обнажая мелкие зубки, они вдохновенно кидались на щиколотки девочки.

– Бойся маленьких собак, они злее больших.

– Нет, это они так со мной здороваются, угощение требуют. Я бы и твоей бабушке булочку дала, но она мимо меня по двору проходит, не глядя. А я ведь у тебя в доме уже три раза была, Глафира Семёновна даже по голове меня погладила.

Катя и Кирилл дружили, она всегда весёлая, легко шутила – вот как сейчас про булочку и собачье здоровье через щиколотки.

– Мне от отца влетело, – не слушал мальчик. – Ты зачем на меня пожаловалась? Сама же попросила про вулкан рассказать.

– Это Надежда Павловна рядом оказалась и потребовала признаться, почему у меня вдруг слёзы по щекам покатались. Откуда я знала, что ты такие ужасы выдумаешь...

– Ничего не выдуманно. Там видео есть, как бизоны стадом от вулкана вскачь бегут, толчки подземные чувят.

Катя расширила глаза. Они у неё всегда большие и доверчивые, будто у муравейки.

– И что, и вправду взрыв будет?

– Ничего я тебе больше не скажу. Успокойся, этот вулкан уже три века дышит. Просто сейчас активнее стал, чересчур.

– А как часто он извергается?

– Раз в шестьсот тысяч лет. Последний раз взрывался шестьсот сорок тысяч лет назад. От него и климат поменялся, динозавры вымерли. Он же супервулкан, как тысяча атомных бомб.

– И где он?

– Штат Вайоминг, неподалёку от Канады.

– Ну, это так далеко... До нас не достаёт.

– Америка погибнет в пять минут, а вся планета в пять лет. Вулканический пепел на годы закроет солнце, сделает постоянную ядерную зиму, вся растительность сгинет. Так уже было на Суматре семьдесят тысяч лет назад, от взрыва вулкана Тоба шесть лет шли кислотные дожди.

– Ага, и ты там был, всё видел...

Не может без шуточек, язва в синих шортиках, как дразнили её во дворе. Сейчас, правда, она была не в привычных летних шортах, а в тёплых брючках, поскольку на улице уже стоял ноябрь. И в курточке, аккуратной, но довольно запятнанной, потому что Катя не чуралась мальчишечьих забав вроде кувыркания с карусели или вообще лазания по деревьям наперегонки.

– Наука сейчас сильная, древность ей не помеха. Учёные раскопали, высчитали. И теперь говорят, это семечки по сравнению с тем, что сделает Иеллоустоун.

– Отчего же никто не бьёт тревогу? – сдалась Катя. – По телевизору каждый день сплетни про певцов и чужую разведку. А про такое молчат.

– Ну да, чтобы весь мир от испуга зарыдал, как ты. Представляешь, что начнётся? Человечество в панике само себя затопчет. Ведь сделать ничего нельзя, вулкан ракетой не собьёшь, как астероид в фантастическом фильме.

– Ой, давай лучше к собачкам вернёмся, покормим. Я им сосиску по дороге куплю.

– Вот, ты уже прячешься от правды, как страус голову в песок суёшь.

– А папа твой что говорит? Он же инженер, неужели ничего не придумает? Ну дырочку до магмы сбоку пробурить и спустить её на тормозах, ручейком неопасным...

Кирюха остановился, посмотрел в озарении.

– Ишь, Катюха, недаром ты отличница, только списывать контрольные никому не даёшь. Ведь точно, там кальдера всего двести метров.

– Что такое эта кальдера?

– Ну, толща от поверхности до бурлящей магмы. У спящих вулканов толща в сорок километров, а тут всего-то... Но там же заповедник первый в мире, зверьё редкое, деревья уникальные, гейзеры шикарные, лучше, чем у нас на Камчатке. Их, этих гейзерных чудес, где камчатские обезьянки от мороза в тёплой воде купаются, всего четыре на планете, ещё в Исландии и в Новой Зеландии. Кто же такой знаменитый заповедник позволит магмой заливать, доходы от туристов губить? И вообще, давно бы без нас про бурение догадались.

– Нет, надо писать, Кирюха!

– Куда, президенту Трампу в Америку?

– Да куда угодно, во все концы света!

Спустя некоторое время Петра Ивановича снова вызвали в школу. Он заметно разозлился и спросил сына, за что на этот раз. Кирюха пожал плечами, он действительно не знал.

Зато бабушка якобы знала:

– Эта ушлая учительница окрутить тебя хочет, Петя. Небось, проведала про твою неприкаянность.

Маму Кирюхи сбило пьяной машиной несколько лет назад, отец долго переживал и вновь жениться никак не желал, а бабушка и не настаивала.

– Я сама пойду в школу, – сказала сейчас бабушка. – Вернусь и тебе, Кирилл, уши надеру. А если ты не виноват, то я той учительнице надеру. Прямо при всех.

– Она сумеет вовремя ловко отвернуться, и ты её потом в лицо не узнаешь, – сказал Пётр Иванович, хмыкнув; он не совсем верил в удивительную болезнь Глафиры Семёновны.

Надежда Павловна вправду слегка разочаровалась, когда увидела бабушку Кирилла вместо его отца.

– Так это вы книги у сына рвали, чтоб его спать заставить? – спросила она, думая пошутить.

Шутка получилась слабая, старушка даже не улыбнулась и ответила с достоинством, но как маленькой, дидактически, почти по слогам:

– Да, вырвала с семьдесят пятой по двести восьмидесятую страницы. Сто листов одной мозолистой хваткой. Сын потом неделю клеил, книга-то библиотечная. Математику, небось, так не рвут.

– А вы какой предмет вели? – слегка смутилась математичка, окончательно поняв, что перед ней вовсе не Пётр Иванович с его предупредительной вежливостью.

– Представьте, литературу и вела. Известась так, что до сих пор во сне неприличными словами ругаюсь. Так что там мой внук натворил? Я и компьютер его в клочки изорву.

– Нет, зачем же... – учительница оглянулась, не слышит ли кто такой крамолы.

– Кирилл на сей раз только повод дал. Но очень тревожный. Под влияние вашего внука попала одна наша девочка, гордость класса, впечатлительная очень.

– Катенька, что ли? Она иногда приходит, вместе с Кирюхой ровный Суэцкий канал разглядывает, сравнивает с путаным Панамским. Мне пирожки как-то принесла. Молодец, пирожками всех собачек угощает, а я собака знатная.

Речи бабушки становились всё более странными: вроде над собой старушка иронизирует, а подспудно выходит, что над Надеждой Павловной. Такое нельзя допускать, и учительница, подспудно защищая себя, сделалась суровой:

– Катя весь класс уговаривает подписаться под письмом насчёт вулкана. Того самого, которым Кирилл её напугал.

– Кому письмо? Вулкану?

– Представьте: организации объединённых наций. Не смейтесь, это очень серьёзно, скандал настоящий выйдет. Писать в ООН...

– Два пи эр! – всплеснула ладонями Глафира и всплеск этот получился почти восторженным. – Нет-нет, не обижайтесь насчёт пи эра, это я так, вспомнила... В моей практике было подобное. Один мой примерный ученик когда-то вздумал написать в «Пионерскую правду» про своего хулиганистого дружка-двоечника. И написал прямо за партой, и к почтовому ящику вместе с одноклассниками отнёс, и вбросил торжественно.

Надежда Павловна смотрела ждущее:

– И что, письмо дошло?

– Чего бы ему не дойти, в советские-то времена размеренные. Но я нашей сельской почтарке тихо сказала, и она письмо из ящика тихо при мне достала. Вот когда я всё рвать приохотилась. Изорвала конверт, на том и кончилось.

– У нас так не получится, город всё-таки, почтальоны все чужие и пуганые, – вздохнула математичка.

– Да пускай Катюха шлёт письмо, пусть планету спасает. Задумка благородная. Бесполезная, правда, но голосистая.

– Уж какая голосистая, – невольно перешла на её разухабистый язык учительница. – Шум в газетах поднимется, смеяться начнут. Проверками замучают. Меня в первую очередь с работы вытурят за такие штуки. Нет, вы скажите Кирюхе, пусть Катю отговорит.

5.

Кириллу сломали ногу на последнем дворовом матче. Стояли уже морозцы, грязевая хлябь ушла, и пацанам захотелось побегать, пусть и в куртках и в зимних башмаках.

Кирюха и в такой тяжкой одежке легко обводил любого, а соперники злились, особенно великовозрастный Валька, длинный и кулухастый. Кирилл обошёл его на квадратном метре, задулил в хоккейные воротаца твёрдый от холода мяч и ровно сказал:

– Один ноль.

– Два ноля, три ноля, – передразнил Валька.

Но когда так и вышло, когда счёт вырос до четырёх, Валька на ходу толкнул Кирилла в спину, Кирюха ударился о бесснежную землю обеими коленками и потом встать не смог.

Его отвели домой, приехали врачи, нашили у него мениск, самую частую футболь-

ную травму, отвезли в больницу, а там сделали операцию, сказав, что месяца три он должен лежать в постели.

Значит, о школе нельзя и думать. Глафира уложила внука, спросила про матч. Кирилл ответил:

– Валька толкнул в спину. Он злой. Но мы выиграли, и добро как всегда победило.

– Как всегда... Всегда побеждает зло.

– Бабушка, ты не права.

– Права. Зло всегда побеждает, потому что играет не по правилам, бьёт в спину. Только эту истину человек постигает лишь через полжизни.

– И становится недобрым?

– Если он слаб душой. А сильные понимают, что как добро ни бей, оно всё равно возродится, хоть через сто лет. В этом его феномен.

– В школе такое не говорят.

– И я не говорила. Детворе дай бог вложить в голову прописные истины про тёмное и светлое. Не знаю, правильно это или нет. Зло ведь часто притворяется хорошим и выглядит порой лучше добра. Это называется перевертыш.

6.

Пришла Катя.

– Я тебе не позволю стать второгодником. Вот, принесла все домашние задания за прошедшую неделю. Ты с ними быстро справишься, сделаешь на компьютере, а потом и за все месяцы, что лежать будешь. А я буду распечатки в школу относить. Надежда Павловна даже обрадовалась.

– Это она потому, чтобы ты про вулкан забыла, – вставила Глафира Семёновна, погладив девочку по макушке, она теперь часто так делала. – Что сейчас в классе происходит?

– По зоологии – птиц. Надо написать о своей любимой птичке. Да все про соловьёв хотят или ещё синиц. А я сейчас такую за-

бавную птаху видела, она семечку у меня с ладони съела. Но не знаю, как называется.

– Без названия комп её не покажет. Нужно будет дня два рыться в снимках методом слепого тыка. Как она хоть выглядит?

– Ой, премиленькая. Через глазки чёрная полоска идёт от уха до уха.

– Так это же ямщик, – сказала бабушка. – Посвистывает по-ямщицки, негромко и коротко, в три разных такта.

– Это народное название, а надо научное, – нерешительно буркнул Кирилл.

– Ничего, открой свою чудо-машинку. Впрочем, не надо, тебе сидеть нельзя.

– А я лёжа.

Кирюха взял со стола лёгкий ноутбук, водрузил на живот, набрал про птичку ямщика и чёрную полоску на глазах. Сразу выскочило о птице поползень и штук десять цветных фото.

– Она, она! – Катя запрыгала от восторга. – И про название понятно. Она даже не ползала, а прямо бегала по стволу головкой вниз, пока меня не увидела. Слетела за семечкой мне на ладонь, схватила и отлетела метра на три, расклевала.

– Вот и опиши это, больше ничего не надо. Будет статья о ней. Да, люди ямщиком называют. Вот и пение её. Включи, Кирюха.

– Да ладно, Катя сама дома откроет и послушает. Ты бы, бабушка, и мне какую редкостную птичку вспомнила.

– Чего же вспоминать. У нас на ручье из камышей бекаска пел. Голосок жалобный, как у заблудившегося барашка. Народ по вечерам слушал, и птичку барашком звал.

– Это тот знаменитый тургеневский бекас?

– Тот самый. Писатель его и не стрелял за такой голосок, всё слушал очарованно.

– Хочу, хочу! – вновь запрыгала Катя.

Нашли длинноносого бекаса, несколько раз восхищённо послушали. Заодно и поползня. Потом бабушка подсказала про чибиса.

– Его луговицей кликали, кречёткой, пугалицей. Я всё пробовала рассмотреть его дивный хохолок, да издали разве углядишь. А тут глянь, будто с полуметра. Да, изогнут вперёд, будто шлём римский. А на лету чибис его назад убирает.

– Сейчас, небось, таких птиц не встретишь, – вздохнули ребята.

– Почему, я прошлым летом видела, когда родину навещала. Там ведь у нас почти все поля брошены, удобрениями их давно не осыпают. Нет худа без добра: зайцы вернулись, а в мутной речушке раки снова плавают, клешней стригут. Видали раков-то живых?

– Откуда они в городе...

– Ага, а в «Мёртвых душах» есть фраза: дороги расплзались в стороны, как раки, вытряхнутые из мешка. Чувствуете волшебство?

– Да, – улыбнулась Катя. – Прямо картинка цветная перед глазами. Ты лежишь на вертолёте, а внизу дороги улепётывают от большака.

– Когда Гоголя проходить будете, вы не столько на Плюшкина жмите, сколько на такие вот перлы. Ладно, я вам сейчас кофе сварю.

Но в комнату уже входил Пётр Иванович сразу с четырьмя дымящимися чашками на подносе и с россыпью конфет в блюдце.

7.

Катя сразу оживилась. Кирюхин папа ей нравился за его мягкость и улыбчивые шутки.

– Ой, а моя мама позволяет пить чай только на кухне. А мне иногда так хочется прямо за книгой или у телевизора.

– Иногда правила полезно нарушать, – сказал Пётр Иванович, подавая девочке чашку. – Если эти нарушения невинны и нечасты.

– Ага, а то превратишься в Вальку.

Пётр Иванович помрачнел.

– Встретил я только что вашего Валентина на улице. Так захотелось ему подзатыльник влепить...

– За футбол?

– Нет, просто за порочное выражение лица. Есть такие люди, у них порок прямо на щеках написан.

– Ну уж ладно, Петя, – вступилась Глафира Семёновна. – Мальчишка растёт, меняется.

– Сегодня его отец в школу звонил, – тихо призналась Катя. – На меня жаловался. Сказал директору, что я пугаю его сына своим вулканом.

Пётр Иванович с досадой хлопнул себя по коленке.

– История обрастает глупыми деталями. Так они, чего доброго, на демонстрацию выйдут.

– Ага, испугаешь Вальку вулканом... Это отец за футбол сына выгораживает, – сказал Кирюха. – Мне-то чего, я на Вальку не обижаюсь.

– Пётр Иванович, а что если сбоку кратера дырочку пробурить? – виновато спросила Катя. – Ведь так лаву можно спустить потихоньку.

– Или спровоцировать преждевременный взрыв, – ответил отец Кирюхи. – Бросьте вы эти беспокойства, человечество скоро что-нибудь придумает. У него ещё лет десять в запасе, а может и сто.

– И что, сидеть и ждать?

– Люди давно пугают друг дружку концом света. Скребёт это у нас внутри: я умру, так пускай вместе со мной и весь свет рухнет. А планета мудро придумана, она дышит, шевелит каменными своими жабрами, сбрасывает внутренний напряг естественным природным образом. Всё не так страшно, ребятки.

– Вот вылечусь и накостыляю Вальке, – решил вдруг Кирюха.

– Забудь, сын, – строго возразил Пётр Иванович. – Не то вы вправду вселенский скандал раздуете. Посмотрите лучше енотов.

И отец с бабушкой унесли на кухню пустые чашки. А Кирюха с Катей включили видео вороватых енотов и стали хохотать.

8.

Спустились долгие декабрьские ночи. Чернотроп сменился лёгким снежком, от него город по вечерам зажигался жёлтым светом и фонарные столбы стояли, словно колонны, подпирающие тёмное небо.

Катя приходила каждый день, бабушка Глафира уже начинала беспокоиться, если девочка запаздывала. Катя иногда приводила одноклассников и тогда детвора затевала бои подушками, это разрешалось.

Однажды с Катей пришёл Валька. Это весьма удивило, но никто из домашних не подал вида. Валька сидел насупленный, не зная, куда девать руки. Он был насторожен, диковат, но Кирюха ему радовался, и гость вскоре размяк. Только вскинулся, когда Катя вдруг сказала ему:

– Валёк, чем от тебя так пахнет?

– Кошками, – буркнул Валька, взглянул привычно-дерзко.

– Ты что, живодёрством занялся?

Катя была легка на вопросы.

– А ты думаешь спасать мир чистыми руками? – Валёк совсем набычился. – Я кошек кормлю, это дело муторное.

– Где, во дворе?

– Нет, у отца есть приятель старый, он у себя в квартире тридцать две кошки держит.

Ребята переглянулись.

– Тридцать две? Зачем столько?

– Одна бабка весь двор замучила, за бездомными кошками по подъездам шаста-

ла. А потом у неё внучка родилась, и бабка сразу же кошек бросила. Они стали орать голодные, соседи, что раньше на бабку ругались, теперь ещё больше заругались. Ну, дед кошаков к себе в дом и взял. Теперь все соседи на него злятся, вонь из-за его двери идёт аховая.

Катя только руками развела.

– Что, нельзя вместо бабки им корм во двор выносить?

– Дед почти не ходячий. Даже в магазин добирается с трудом. Вот я ему и помогаю. Он всю пенсию на корм тратит. Во двор выйти это надо одеваться, куда ему неподвижному. Я месиво готовлю из хлеба, кошки за него дерутся, а дед ползает и их растаскивает.

Катя не могла найти слов от услышанного.

– Птичек она кормит... – бурчал Валька. – А я мороженых синиц подбираю для кошек, им же и мясо нужно.

– Синиц? Мороженых?

– За зиму из десяти синиц девять умирают от холода и недоеда. И домой их не принесёшь, они не могут в неволе, о стекло себя бьют.

Валька говорил столь диковинные вещи, что даже Кирюха привстал. Коленка его уже подживала, а от такого и вовсе забылась.

– Надо тому деду подсобить. Где он живёт, как его зовут?

– Дед Михал, в квартале отсюда. Отец говорит, он заводским наставником у него был. Нормальный дядька, гайки крутить учил, а на кошек вообще внимания не обращал. А теперь его за антисанитарию чуть из дома не гонят.

– Завтра же сходим.

– Свою, чего там. Только еды прихвати побольше, Михал сам постоянно голодный сидит. Да не вздумайте у него кошек выпрашивать, он и с кулаками кинуться может. Отца вытурил.

– Зачем твоему отцу-то кошки?

– Да он обмолвился, давай, говорит, я всех твоих животных за город вывезу, они же тебя со свету сживают. Ну и получил.

9.

Через два дня пошли. Кирюха ступал осторожно, однако уже уверенно. Валек косился на его ногу, готовый в любой момент подхватить приятеля. Он был благодарен, что ему ни словом не обмолвились про вину на футболе.

Дверь открыл старичок, ветхий, как щепочка. Он ходил слабее Кирюхи, был отрёпанный. В квартире стоял шерстяной запах тления и ещё чего-то горестного. Кошки принялись обтирать хвостами пришедших, требовать еды своими скрипучими голосами.

Катюха сначала отпрянула, столько неухоженных кошачьих голов лезло к ней в сумку.

– Вы всем сразу дайте, – сказал хозяин несколько даже потухши. – Иначе они станут у мелких отнимать, кутерьму затеют. А ты, Валька, лотки повыноси, и так всё измано.

Дед Михаил казался равнодушным ко всему, даже к своим бесцеремонным приёмам. Квартира напоминала едва просохшую лужу после мутного ливня.

Кошки ели жадно, стараясь заглотив побыстрее и ухватить новую порцию. Хозяин отпихивал самых наглых, ворчал тихо, истерянно. Катя кормила хвостатых молча, без привычного своего щебета.

Затем отбросила пустую сумку, нашла мокрую тряпку, стала протирать пол, смахивая клоки шерсти прямо себе на коленки. И всё так же молча, ошарашенно.

– Ты, девочка, не хлопочи особенно, – хрипло пробовал остановить её дед. – За

ними всё равно не уследишь... А куда мне деваться? Хотя нужным себя чувствую.

После еды кошки взялись облизываться, десятками рассевшись по углам, на табуретках и диване. Они были разные и одновременно одинаковые, как рыночная россыпь переспелых грибов шампиньонов. Их не хотелось брать на руки.

– Мы завтра ещё принесём, – сказала Катя, подавая деду оставшийся кусок колбаски. – Мы всю зиму будем за ними ухаживать, Михаил Андреевич.

Голосок у неё стал жалкий, Катя была подавлена всем увиденным. Вымытая комната всё равно пахла затхлостью, а когда ребята вышли на воздух, эта затхлость пошла от всех троих, она прилипла даже к щекам, будто дурной вирус.

– Почему так? – чуть не плача, сказала в пустоту Катя. – И кошки несчастные, и девушка несчастен.

– Будь у него деревенский дом да сил побольше, всем было бы привольно, – ответил Валентин странно-растерянно, видно, впервые взглянул на всё чужими глазами. – Домашним животным в городе тоска, пусть и самым ухоженным. А уж этим...

– А если их постепенно раздать?

– Он новых впустит. Видишь, про свою нужность-ненужность сказал. Она и бабушка, что их приручила, тоже ими свою ненужность лечила. Потом внучку заимела, про всех других забыла.

Ребята шли медленно, из подворотен выскакивали подвальные кошки, пугливо озирались. Их казалось много, этих бездомных животин, раньше не особенно замечаемых.

– Спасибо, Валя, что привёл нас к бабушке, – уронила Катя, не глядя по сторонам. – Я теперь как будто по-другому на жизнь посмотрела, без иллюзий.

– Кто-то из великих сказал, что человек рождается без зубов, без волос и без иллюзий, и умирает без зубов, без волос и без иллюзий, – прервал молчание Кирюха. – Мне не совсем понятно. Получается, что жизнь и есть только иллюзии?

– Наверное, это мы поймём только к концу жизни, – сказала Катя. – А вот Михаил Андреевич иллюзий пока не потерял, значит живёт.

– Ладно, умники, мне сюда, я пришёл, – махнул рукой на прощание Валентин. – Так завтра пойдём к деду?

– Конечно, – ответил Кирюха. – Мы тебе обязаны, Валька.

10.

– Час от часу не легче, – Надежда Павловна даже руками всплеснула, принявшись к Кате. – Вот отчего от вас так мерзко пахнет, кошек они кормят. Ведь есть же приюты какие-то для животных, туда и надо их отдать.

– Ага, приюты, скажете тоже. Там разные Шариковы из кошек белок делают, – Катя считала взрослое «Собачье сердце» лучшим фильмом эпохи, цитировала его направо и налево. – А сначала их голодом морят. И на упрёки отвечают, что тут и народу часто есть нечего, отвяжитесь, мол.

– Ох, лучше бы вы с заморским вулканическим носились, всё чище. Как там Кирилл?

– Скоро выйдет. Уже топает по двору. Валька его научил прыгать в сугроб с зонтиком, как с парашютом.

– Вот-вот, опять приключений на свою голову ищет. Вы, конечно, молодцы, что Валентину успеваемость подтянули, но он вас с толку собьёт, чувствует моя душа.

Учительница говорила по-матерински, она уже смирилась, что лучшая ученица класса так покорно подпала под влияние непонятного Кирюхи, днюет и ночует в его доме, с родными сдружилась, теперь вот и хулигана Вальку приповадила туда ходить, чай гонять, про птиц рассказы-

вать. Примерным второгодника сделала, это же надо.

Тем более неожиданным для учительницы оказалось, когда Валька три дня подряд не появился в школе. Вместо него пришёл его отец, забубённый и косноязычный мужчина и... тоже спросил про Вальку. Сын, видите ли, сегодня и дома не ночевал.

– Вы его били? – требовательно подступила Надежда Павловна к небритому гостю. Тот забухтел, отворачивая хмельные очи:

– Теперь ему не дашь, сам кому хочешь даст. А чего он с этими вулканчиками связался? Вот точно губернатору сообщу про ваши непорядки, про влияние запада растленного.

Мужик был явно заклиненный, но гнать его из школы опасно, и классная руководительница длила воспитательные расспросы:

– У кошकारа были? Может, Валя там.

– Нет его там, прогнал меня Андреич, шпрехен зи деич.

Дядька думал, что это смешно, однако щуплая Надежда Павловна чуть за шиворот его не взяла:

– Сообщайте в милицию, а мы сейчас справки наведём. Катя, Кирилл может знать, где Валентин? Не у него?

– Ах, вот она, вулканша, – увидел девочку сосед. – Уже пацанов с панталыку сбивать научилась?

Его всё-таки прогнали и позвонили Кирюхе. Он сказал, что Валентина у него нет, но он предполагает, где его искать.

– Я вас отведу, это за городом. Там стог есть, в нём нора. Мы с ним летом в этой норе копались.

– Какая нора зимой? – всполошилась учительница, однако тут же сбегала к директору, выпросила обшарпанную школьную легковушку, впихнула в неё Катю, забрала Кирюху и охающе рванула за город, на пустынное поле, в которое ткнул пальцем мальчик.

Валька вылез из норы, похожий на косматого мультяшного телепузика, весь в ломаных соломенных былинках. Он молчал на расспросы, только озирался чуть затравленно. Потом обронил:

– Я где-то прочитал, что старики думают о прожитой жизни равнодушно, как о выкуренной сигарете. А я сейчас так думаю. Нет, отец не бил, просто мне жить надоело.

Надежда Павловна приобняла его, отвела в машину.

– В больницу везёте, к психушечникам? – нисколько не сопротивлялся Валька. – Нет, я здоров. Да везите. В палату номер шесть. Будто там жизнь... Чехов и тут всех обдурил.

Надежда Павловна беспомощно оглянулась на Катю. Чехова в классе ещё не проходили.

По снежному полю бежал заяц-русак, серый, в оливковых подпалинах. В отличие от Вальки ему хотелось дышать. Следы его позёмка тут же заметала, как неправильную контрольную.

– А как бы ты хотел жить? – спросил Кирюха.

– Вот таких зайцев кормить. А я наоборот, косога от стога отпугнул. Теперь его любая сытая лиса догонит.

– Лисы вон в посадке все яблони изгрызли, не такие, значит, они и сытые.

– Что всё-таки у тебя случилось, Валя? – сказала тихо-тихо учительница.

– В долги залез. Для Михаловых кошек кормёжку покупать. А отец пропил.

– И из-за этого наплевать на жизнь? Да соберём мы тебе денег. Если что, в кредит возьмём.

– Знаете, как сейчас это называют? Самоубийство. Банкиры свои кредиты в народе прославляют, а потом, как беспощадные бандиты, нарастающий счётчик включают. И конец человеку, век в долгу.

Машина елозила по скользким сугробам, будто возмущённо соглашалась.

– А кто же тебе в твои годы кредит дал?

– Отцу дали. Я отговаривал, а он ответил, что все берут.

12.

Назавтра Надежду Павловну вызвал директор школы.

– Теперь понимаю, почему у вас такой странный класс. Вы почему Валентина Каушева не отвезли в больницу. У него же суицидальное состояние.

– Можно по-русски, – с вызовом ответила учительница.

– Не знаете, что такое суицид?

– Знаю, но мы в России. Слишком много китайских слов.

– Оно не китайское.

– И это знаю. Зато мы ведём себя как папуасы. У Фолкнера есть эпизод, когда вождь племени ложился спать в стоптанных башмаках, подаренных ему заезжим миссионером. А утром снимал. Мы сейчас точно так себя ведём.

– Хорошо, не будем спорить, я сам против засилья иностранных слов. Но вы же понимаете, что будет, если Каушев с собой что-то сделает? Нас спросят, почему мы не просигнализировали. И что это за долг, что за денежные сборы?

– Враньё. Я ни с кого не собирала, свои мальчишке отдала.

– Ага, зарплата значит слишком большая? У нас классы ремонтировать не за что, а тут учителя на кошек приبلудных разоряются... Объявляю вам выговор.

Директор был человек неплохой, но Надежда Павловна понимала, что иначе он говорить сейчас не может. Задушевный разговор и официальный – совершенно разные вещи. С него тоже спрос будет, коли что случится.

– Для этих кошек у нас в школе можно организовать живой уголок.

– Хозяин их нам не отдаст. Они его от одиночества спасают, в том и проблема.

– А условия у него подходящие?

– Я ещё не ходила. Катя говорит, что условия в квартире ужасные, всё пропитано плохим запахом, соседи вот-вот вызовут спецслужбы. Но в нашем классе уже шесть ребят готовы по очереди к бабушке ходить, еду носить, порядок наводить.

– Это ценно, это воспитание. Однако всё равно разрешение нужно, вдруг там болезни, зараза...

13.

Ещё через несколько дней пронёсся слух: директор задумал завести в школе живой уголок. И не какой-нибудь с редкостными показательными опоссумами, а с обыкновенными кошками. Учителям приказано найти среди школьников желающих после уроков оборудовать помещение. Педагоги шептались:

– Вот ещё забота... Что у нас, Эрмитаж с его подвальными котами, заведёнными против крыс? Наши кошки просто разбегутся, едва во двор их выпустят.

Директор Василий Игнатьевич между тем уже определил место рядом с раздевалкой, позвал учителя труда, вместе с ребятами поднявшего двухметровые фанерные стеночки, сострогавшего лотки и корытца, провертевшего вентиляцию.

В конце явились два пришлых ветеринара, умных и в халатах. Они придирчиво осмотрели комнату, строго спросили, сколько животных тут предполагается поселить.

– Может, десять, а может, двадцать. С каждой новой будем звать вас на освидетельствование.

Ветеринары покачали головами:

– Потом уже выбрасывать их на улицу нельзя, погибнут.

– Знамо, – вовсе не учительским голосом ответил директор. – Особо тоскующих будем пробовать раздавать. В хорошие руки, как говорится.

– Хлопот у вас станет полон рот. Районная власть в курсе?

– Дала осторожное согласие. Устное.

– Ещё бы вам преподнесли с печатью...

Конечно, устное. Чтобы в случае чего вам же и по шее.

Настал момент, когда пошли к Михаилу Андреевичу. Он согласился отселить только двенадцать кошаков, самых хилых, просящих особого ухода.

– Буду приходить проверять, – хрипло грозил дед. – Если чуть обидите, заберу обратно.

Всем командовала Надежда Павловна. Отобранных животных школьники пересаживали в принесённые коробки, замотали для крепости верёвками.

– Если кто упустит, самого посажу в жилой уголок.

Она, как и Катя сначала, была поражена многоцветьем окружающих глаз и запахов, но возбуждена, активна. Директорская задумка её радовала, о последствиях учительница не помышляла.

– Каушев, ты назначен в уголке главным. И сюда будешь приходить, с Кирюхой. Фотографии Михаилу Андреевичу принесёте, с подписанными кличками. У всех по коробке? В дороге имя своему питомцу придумайте, да приучите со временем, чтобы откликнулся.

– А зачем?

– Затем, что кот без имени – это просто кот. А с именем – это уже твой кот. Совсем другое к нему отношение. И у него к тебе. Так ещё древние кочевники учили.

– У кочевников как раз кошек не было. Они завелись у тех, кто зерно завёл, землю

пахать стал. Кошки стали нужны, чтобы урожай от мышей беречь, – заметил Кирюха.

Учительница согласилась, как с равным.

– Но и буддисты древние всем окружающим животным имена давали, вспомни, Кирилл. Всё? Идём.

14.

Кошки прижились на удивление быстро. Правда, сначала поспорили за лучшую лежанку. Но быстро убедились в их общем уюте, квадратные норки-полочки в три ряда стояли вдоль стены одинаковые, будто сахар-рафинад.

Уборщица тётя Рита поворчала, подозревая, что ей придётся ухаживать за всем этим пушистым семейством. Она была могучей и деятельной. Именно Рита и никто другой, установила в школе кровожадный порядок менять уличную обувь на комнатную. Даже учителя покорно согласились.

Уборщица вечно была с тряпкой в руке. Директор по-доброму шутил, что если случился бы пожар, Рита не прервала бы мытья полов. И всех пожарных заставила бы переобуться.

От желающих взять в шефство хвостатых не было отбоя, дети несли и несли из дома угощения, наперегонки расчёсывали питомцев и убирали за ними лотки.

Кто-то уже тайком утащил свою Мурку на урок и получил нагоняй от учителя. Валька с Кирюхой оказались, естественно, самые догадливые: сделали своим ошейнички с верёвкой и на перемычках выгуливали по двору, где их кошки ловили падающий снег, прыгая, словно волейболисты.

Тут же назавтра все питомцы оказались с ошейниками, на школьной тропинке шли парадом, а первоклассники завистливо кричали:

– Что, от вулкана бегут?

Про Кирюхину идею-затею давно знала вся школа, он уже равнодушно встречал шуточки и сейчас прошёл мимо без ответа. За него Валька дал крикуну мелкий подзатыльник, крикун не обиделся, а попросил подержаться за верёвочку и Валька дал, даже кличку сказал:

– Её Ритой зовут, в честь уборщицы. Будешь помогать, и твоё имя дам.

– Нет, лучше какому-нибудь котик, я же мальчик, – ответил наивный первоклашка.

С появлением питомцев что-то произошло со всей школой. Раздевалка стала толкучкой, приходили экскурсии из соседней школы, просили дать им пару кошечек, но директор пока не разрешил:

– Посмотрим, как они у нас проживут.

Зажили здорово, залоснились. Третьеклассница-вертушка принесла ручную белку, приложила палец к губам и сунула новенькую в свободный домик.

Назавтра белка, вдвое меньше любой кошки и вдвое живее, расчесала всех мохнатых игрушечными своими лапками. Сидя у них на спине, тербила гривы без остановки, а кошки выстраивались к ней в очередь.

Директор всё же заставил унести белочку домой. И вовремя: пришла комиссия из районного отдела образования.

15.

Они вошли в учительскую с насупленными лицами и все в галстуках. Бабушка Глафира когда-то сказала:

– Пионерские галстуки отменили, а чиновничьи нет. Кого эти важные дяди избражают? Если видишь в Москве человека в галстуке, то знаешь, что это может быть мировой профессор или великий учёный. А у нас? Обязательно чинуша из третьеразрядной властной конторы, и не более того.

И ведь знают, как люди к столоначальникам относятся...

– Знают и гордятся, – ответил тогда Пётр Иванович.

Вот и сейчас вошедшие рисовали на своих вскормленных сервелатами лицах лощёную гордость. Отыскали взглядами директора, неподдельно удивились:

– Вы сидите в учительской вместе со всеми? Непорядок, мы вас возле вашего кабинета ищем, а вы тут прячетесь.

– Ага, спрячешься здесь, – ответил директор совсем не пугаясь. – Ну, пойдёмте в кабинет, если вам там удобнее.

– Нет, давайте сначала ваших кошек посмотрим. Мы по их поводу и пришли.

– Потому я и здесь. Отсюда к ним ближе.

И директор повёл всех пятерых гостей вниз. Кошки встретили радостно растребушёнными хвостами.

– Это важные товарищи, поэтому обувь не снимают, – сказал кошкам директор.

Он явно издевался над начальством. Учителя говорили, что директор школы сам когда-то работал в управлении и за такие вот дерзости и был понижен до директора. Оставшаяся в учительской за главную Надежда Павловна бесшумно прыснула от смеха:

– Они сейчас поймут, к кому пришли. Василий Игнатьевич им все клички перечислит и попросит записать. Жалко, что звонок на урок звучит и ребятня из живого уголка по классам разбежалась.

Но комиссия была не лыком шита, начала с выговора:

– Василий Игнатьевич, вы должны всегда сидеть у себя в кабинете, такие правила профессиональной субординации.

– Чего? – вежливо переспросил директор. – У нас школы на армейские порядки переходят?

Чиновники не ответили, поскольку справки о странном Василии Игнатьевиче

получили у своего опытного начальства заведомо. И инструкции. Им было приказано живой уголок убрать, о чём пришедшие и уведомили директора вполне строго.

– Ну тогда и говорить дальше нечего, – спокойно сказал на это директор. – Разве что объяснение дадите, и лучше в письменном виде.

– Разговаривайте прилично! – вспыхнул главарь комиссии, уж слишком утомлённый такой неостановимой дерзостью. – Это вам объяснение писать придётся в случае чего.

– В случае, если наши школьники на митинг протеста придут с кошками подмышкой? Это они разом, уверяю вас.

– Так вы и поджигатель беспорядков! – торжественно прошипел главарь, аж галстук его возмущённо встопорщился.

– И каждая животина будет держать в лапах табличку со своим именем. А у которых кличек пока нет, возьмут имена ваши.

– Будем ходатайствовать, чтобы вас уволили, – метался главарь, нащупывая номенклатурную свою шапку.

16.

Едва комиссия ретировалась, директор вызвал Надежду Павловну:

– Мне теперь приказано с учителями у себя в кабинете разговаривать, уж извините, Надежда. Вопрос повернулся, как ожидалось: живой уголок им не нравится, сказали его ликвидировать. Причин не объяснили.

Учительница охнула.

– Есть предложение сделать упреждающий ход, – продолжил директор. – Вы как-то говорили, что у вас имеются добрые приятели на телевидении.

– Конечно! – вскричала сразу всё понявшая Надежда и личико её азартно зарозовело. – Да не только приятели, все журналисты города примчатся.

– Сегодня, – твёрдо уточнил директор. – Завтра меня уже здесь может не быть. И ладно, зато я всё скажу.

Уроки кончались, аккуратно к их закрытию возле школы закружились машины. Журналисты выскакивали из них с фотоаппаратами, телекамерами, были веселы, словно перед вечеринкой. Все были в свитерах, лопотали между собой, хватали школьников за плечи и тискали и уже что-то дружески спрашивали.

– Разуваться! – кричала уборщица Рита, увидев, как журналистки уже усадили кошек себе на руки, как гладят им усы и спинки, щекочут животики и суют конфетки. – Где та, которую зовут Рита? А, вот она, ко мне, ко мне, её в первую очередь сфотографируйте.

И кошка, обнявшая уборщицу за шею, первой стала знаменитостью, а вокруг толпилась ребятня, каждый со своим питомцем, каждый совал их чуть всполошённые мордочки в объектив.

– Моя Машка уже на задних лапах ходить выучилась, в цирке будет выступать, – повторял один шестиклассник.

– А вот котёнок, он уже тут родился, мама к нам прибыла на сносях, никто и не знал, – поспешно перебивала девочка из восьмого. – Так этот котик жеребёнком бегает, на ходу породисто загривок топорщит, ноги прямит и боком гарцует, сейчас покажет.

Котёнок, правда, тоже был слегка взволнован суетой. Газетчики, радисты, операторы с громадными камерами снимали всё подряд, крутились, восхищённо вскрикивая, перешучиваясь. Словно это были такие же здешние мальчишки-старшеклассники, которым разрешено шалить и дёргать друг дружку за патлы.

Появление директора ничуть не успокоило, да Василий Игнатьевич и не просил внимания, он тоже взял на руки какого-то

кота, барабанил пальцами ему по щекам и рассказывал в микрофоны историю появления уголка.

Услышав про дедушку Мишу, журналисты отрядили к нему человек пять, провожатым вызвался Валька. Он был особенно возбуждён, энергичен, и тоже трещал без умолку. Через полчаса все вернулись и засобирались обратно в редакции.

– А в управление не поедем, – сказали директору. – Достаточно с них будет и телефонного разговора. Без них сегодня же в эфир короткую восторженную передачу дадим, завтра расширим и повторим уже с тревогой. Кошек в обиду давать нельзя, чего бы там управленцы не сказали в свою защиту.

– Учись, детвора, как быстро уроки выполнять, – воскликнула Надежда Павловна, обнимаясь с газетчицами, норовящими на прощание погладить мохнатых.

17.

– Ой, как много они плёнки израсходовали, – сказала Катя по пути домой.

– У них норма такая, тридцать кадров на один снимок, – объяснила идущая тут же Надежда Павловна. – Чтобы потом лучший выбрать. Или два-три.

– Сейчас уже не плёнка, а цифра. И всё равно столько работы... Ни один момент ведь нельзя упустить, – сказал уже почти хромающий Кирюха.

– Да, – кивнула учительница, сворачивая в свой переулок. – И всё равно уверенности нет. Мне знакомый фотокор на вопрос, удачны ли съёмки, ответил, как врач-хирург: «вскрытие покажет».

Катя привычно пошла к Кирюхе, только маме позвонила, предупредила, что явится поздно, а она пусть телевизор в девять включает, там передача местная любопытная.

Они с Кириллом быстро сделали домаш-

ние задания и тоже включили экран, нетерпеливо жуя принесённые Глафирой бутерброды.

– А по радио про вас уже только что сказали, но я прослушала, еду готовича, – обронила бабушка.

– Завтра повторят, пообещали. Наша школа теперь знаменитая.

В телевизоре были новости про громкие областные совещания, про какие-то скучные почины. Наконец появился сегодняшний журналист всё в том же свитерке и гладил по очереди всех кошек.

На секунду мелькнул директор, а больше всего неожиданно говорил сбивчивый дед Михал. Камера показывала его обшарпанную комнату, его грустных питомцев и опять же неожиданно ругливую соседку, чуть не лезущую с лестницы с кулаками.

– Вот так же наехали и на школьный живой уголок, – сказал в заключение журналист, – завтра мы постараемся узнать у районного управления образования, чем ему помешали школьные животные. Все ветеринарные справки вроде есть, ученики души в кошках не чают, условия создали великолепные.

На том короткая передача кончилась. Катя одевалась слегка разочарованно:

– Никого из класса не показали...

– Завтра покажут. Да и передача не про класс, а про кошаков, притом тревожная, – успокаивала Глафира, суя расстроенной девочке конфетки на дорожку.

Завтра вышло ещё большее разочарование. В экране явился тот председатель комиссии, который тренированным голосом кричал, что нарушены все санитарные нормы, что повсюду свиной и птичий грипп и ещё что-то вроде того, весьма бредовое.

– Ой, да это Лёшечка, – сказала, вслушавшись, Глафира. – Он в моё время в соседнем селе учителем был. Его звали «зелёная кровь».

– Отчего?

– Странный был. Доносы на председателя колхоза писал, на директора школы. И перед отсылкой с гордостью читал их учителям. Мол, видите, какой я честный.

– То не честность, а садизм. Вряд ли он это понимал, – махнул рукой Пётр Иванович. – Однако вишь, в начальники вылез, в город попал.

– Таким прямая дорожка в начальники. Его, правда, мужики крепко поколотили. А он и на них донос перед отъездом настроил. Но с мужиков деревенских чего взять.

В телевизоре между тем показали начальника образовательного райуправления, он говорил строго, надувая щёки, как с трибуны. По нему выходило, что про плохие дороги к школам журналисты не говорят, а вот про сомнительные живые уголки, несущие потенциальную заразу, трубят с удовольствием, суют народу жареные факты.

– Какие факты? – удивился незнакомому обороту Кирюха.

– Жареные, то есть готовые для съедения. Так чиновники зовут всё то, что взято не из докладов, а из жизни. Мол, это враньё, раз не в докладе. Они же крапивное семя, один куст вырвешь, а от него корни во все стороны ползут и десятки новых родственных побегов дают. Неистребимое крапивное семя – так зовёт народ столоначальников уже лет двести.

– А зачем их сейчас показывают? – растерянно спросила Катя.

– Значит, журналистам приказано жёстко. Телефонное право сработало, небось. Это когда руководящие чиновники между собой по телефону договариваются. Да, несдобровать вашему директору.

18.

Назавтра директор грустно подтвердил:

– Не сработала передача. Мне сейчас

предложили компромисс: они выталкивают на пенсию того бредового Лёшечку, а я должен сегодня же убрать из школы кошек. Мол, школа не частная лавочка, и я обязан подчиниться. Сказали, к вечеру пришлют живодёров, они отвезут кошек в питомник. Думаю, там их под шумок усыпят. Наверное, лучше просто выпустить животин.

– На мороз и бескормицу? – выкрикнул Кирюха. – Ребята их по домам разберут, пока тут суть да дело. Я сам штук пять взять готов.

– И я, – подхватила Катя, – у мамы дом крепче любой частной лавочки.

– Ага, вчера и в адрес Михалыча угроза была, развёл, говорят, болото в муниципальном доме. Его, кричали соседки, в дом престарелых, кошек на помойку. Журналисты их усовещивают, да что толку.

– Правда победит, – сказал Валька. – Я остальных заберу. Василий Игнатьевич, вы как будто ничего не видели, мы и Риту уговорим, и даже машину школьную не возьмём, отец приятеля попросит.

Отец Вальки действительно приехал через полчаса. Был он трезв и спокоен. В машине приготовлены коробки для кошек.

Ребята мигнули уборщице Рите, вахтёру Ивану, и те вместе со школьниками в один приём вынесли всех питомцев. Котёнка Чижики, бегающего боковым скоком, отец Вальки засунул себе за пазуху. Почётное место.

Развезли быстро, а когда вернулись, по школе уже расхаживали живодёры. Вернее, растерянно отбивались от Риты, норвящей вытянуть гостей по спине шваброй.

Вдобавок прилетела саранча первоклашек с виселицей, намалёванной на ладошках мелом. Эта мелкая пацанва затеяла хоровод вокруг гостей, хлопала по рукам якобы восторженно, и живодёры поняли их безжалостную шалость лишь тогда, ког-

да все сплошь (их приехало семеро) были помечены меловыми виселицами, осыпаясь с локтей, коленок и даже глаженных ягодиц.

Приезжие ринулись к Василию Игнатьевичу с вопросами, где кошки, но директор только молча разводил руками.

– Кошки улетели на юг, – сказала за него уборщица.

– Распишитесь в отсутствии, – совали живодёры директору свои какие-то гербовые бумаги.

– Расписываются здесь только разувшись, – ещё решительней вскричала Рита, вырвала бумаги и разодрала на части.

Живодёры убрались, а вместо них появилась делегация старшеклассников из соседней школы. Она хотела помочь с переселением кошек.

– Всё уже переселено, – успокоил Василий Игнатьевич. – А вот у дедушки кошек тоже хорошо бы припрятать. Неровен час, и к нему постучат доброжелатели в кавычках.

Старшеклассники взяли адрес Михалыча и тут же умчались к нему.

– Надо же, все телевизор смотрят, – усмехнулась Катя. – Почему кошки дороже дорог?

– Потому что они живые, – ответил директор.

– Разве в райуправлении этого не понимают?

– В управлении понимают только то, что требуется по отчёту. Будь там пункт про кошек, они бы всех бродячих хвостатых посадили в президиум.

Катя уже открыто рассмеялась и сказала, что в президиум школа пригласит его, Василия Игнатьевича.

– Бой не закончен, ребята, – с улыбкой поклонился директор. – Готовьтесь, впереди контрольные. У торговцев это называется контрольная закупка. Будут каждого из вас покупать и склонять к предательству.

Проверки действительно начались. Они были якобы не связаны с кошачьей историей. Проверяли, сколько в школе на сегодняшний день двоечников.

Оказалось, ни одного. Без всякого предупреждения свои двойки исправили даже самые принципиальные пофигисты – ну те, кому давно учёба была, говоря уличным языком, пофиг, то бишь до лампочки.

С учителями они вдруг стали предельно вежливы, это было дивно, как запретное кино для взрослых. В учительской о том говорили шёпотом и коротко: все понимали – школа бессознательно сплотилась в борьбе с чем-то сильным и несправедливым.

Преподаватели тоже стали подчёркнуто аккуратны, в классах говорили ровно и чётко, будто постоянно вели открытый урок, когда на задней парте сидит чужак в галстук из проверяющей конторы.

Даже уборщица Рита перестала покрикивать на малышню, а та малышня вдруг сделалась примерной, наперегонки переобувалась в принесённые туфельки, а кто не переобувался, тот старательно тёр заснеженную обувь о сугроб, потом о входной коврик, и ещё тихонько давал подзатыльники тем, кто не торопится.

Кирюху друзья заставили рассказать про интернетские секреты и находки, а потом гурьбой побежали к директору, где настоятельно просили письменно отметить открытие компьютерного кружка и его первое сегодняшнее занятие руководителя кружка Кирилла Петровича Ивашкова.

– Ах, Кирилла Петровича, – директор сделал голос весьма уважительным. – Как его американский вулкан поживает?

– Не смейтесь, Василий Игнатьевич, – сказал Валька. – И не про вулкан Кирюха говорил, а про эту, как её, пагнозию.

Улыбка вовсе сползла с губ директора.

Он взглядом показал, что ждёт объяснений. У директора был великолепный дар говорить без слов, причём любой самый непутёвый школьник его отлично понимал и принимал.

– Это когда человек знакомых в лицо не узнаёт. В Голливуде половина таких больных.

– То не болезнь, а обыкновенная заносчивость.

– Нет, у Кирухи бабушка тоже такая, а с чего ей заноситься.

– Ладно, Валентин, как там у тебя наши кошки? Отец не ругается?

– Нет, сам их кормит. Ругается только, что у Михала всех хвостатых забрали. Он же не знает, что забрали ребята из соседней школы.

– Ну и скажите ему, пусть успокоится, а то, чего доброго, к живодёрам кинется с дубиной. А тут вот первоклашки к тебе просятся, Чижика-жеребёнка провести.

– Пусть подходят, но чтоб без двоек.

– Знамо, – козырнул директор.

Манеры у Василия Игнатьевича вовсе не директорские, скорее шутовские, но уважают его искренне, помня, на что он способен, особенно сейчас, когда взял на себя всю ответственность за живой уголок, теперь ушедший в подполье.

– Василий Игнатьевич, уже в пяти городских школах по вашему примеру живые уголки создали, – через несколько дней радостно доложила Надежда Павловна. – Я об этом рассказала телевизионщикам, а то их затуркали. И про то, что везде сразу дисциплина и дружба повысилась, упомянула.

20.

И была ещё передача. И там слова школьников, отзывы других школ, одобрения начальников, даже тех, что прежде надували щёки.

После этого пошли поддерживающие звонки директору, в учительскую. Позвонил и районный педагогический вождь, сказал, будто ничего не произошло и не он прежде испускал клеймящие фразы:

– Ну, под вашу ответственность продолжайте держать кошек, это хороший воспитательный момент.

– Как быстро всё изменилось, будто день после ночи, – сказала Надежда Павловна. – Будем кошечек обратно переселять.

И всех хвостатиков вернули. Они чинно расселись вдоль уголка, все мордочками к стене, словно подчёркивая, что не наглеют, что терпеливо ждут обеда. Кувшинчики их спинки стояли ровно, как на выставке.

– А где же наш юнга Чижик? – спросила Катя.

– Юнга сбежал, – шепнул Валька. – Отец мой его вискасом накормил, а у котёнка пузо забарахлило. Отец из-за того вискаса весь магазин руганью потряс, да что толку. Чижик исчез, я его вчера весь день по подвалам искал, бесполезно.

– Вот тебе и хваленые заморские кушанья, – махнула рукой Надежда Павловна. – Но найти котёночка надо.

– Да он же не учтён, – попробовал успокоить кто-то из старшеклассников, но учительница в ответ только рассвирепела.

– Он здесь родился, в этих стенах, он наш родной. После уроков все по окрестным подвалам, людей спрашивайте без стеснения, во все лабазы заглядывайте.

Наутро ребята по очереди понуро доложили учительнице, что Чижика нигде не нашли. Никого не смогла развеселить ни цирковая кошка, шагающая на задних лапках, ни матерый котофей, умеющий лапой считать пятна на своей мохнатой спине.

– Чижик, видать, заболел крепко, – сказал Василий Игнатьевич. – Он спрятался. Когда кошкам плохо, они прячутся с глаз долой.

– А как плохо?

– Как – до смерти, вот как. Умирать прилюдно не хотят. Ищите дотемна, завтра уроки спрашивать не будем.

21.

Вечером в квартиру Кирюхи позвонила бабушка божий одуванчик. На руках она держала укутанного в толстое одеяло зверёныша.

– Говорят, у вас в школе котик пропал, – произнесла гостя тонким слабым голосом. – Так вот он, возле магазина замерзал.

– Это совсем не Чижик, – растерянно ответил Кирюха. – Это большой какой-то... настоящий Вулкан.

– Вот и забирай, раз имя дал, – решительно сказала из-за плеча Глафира. – Спасибо, соседка, мы его сейчас накормим.

И сама приняла на руки котёнка-подростка, одеяло развернула и отдала бабушке вместе со свежеприготовленными тёплыми блинчиками.

– С Масленицей тебя, Глафира, – поклонилась бабушка.

– А я вот её не помню, – смутилась Глафира, – небось, завтра во дворе мысленно обругает меня, что не здороваюсь.

– Да здоровайся со всеми, как в деревне делала, – посоветовал Пётр Иванович. – Будь странной наоборот.

Новообращённый Вулкан жадно проглотил блинчик, не дав ему остыть, и стал умывать свою замурзанную мордуленцию с обтекающими сосульками. Тут опять позвонили, и на пороге возникла дошкольница Зина из соседнего подъезда. Она держала в зябких ладошках ещё одного хвостатика.

– У вас Чижик пропал, – сказала Зина, – Я его встретила возле беседки. На кличку не отзывается, видно, голодный.

– Кирилл, это Чижик? – обернулась к внуку бабушка.

– Ты и кошек на одно лицо видишь, – ответил мальчик. – Он такой же Чижик, как я Вулкан.

Вулкан тем временем подбежал и стал лизать спущенного на пол белобрысого подростка. Тот неожиданно азартно отбивался.

– Этот не голодный, видно только что из магазина, – усмехнулся Пётр Иванович.

– Он не Чижик, – чуть виновато сказал Зине Кирилл.

– Жаль, – столь же повинно уронила Зина. – Я бы его к себе домой взяла. Но у меня собачка, она может обидеть.

– Поветрие кошачье раннее, ещё только март начался, – пробурчала Глафира. – Что же будет через три месяца, когда котята скопом народятся, притом и у вас в школе. Как этого-то назовёшь?

– Никак, – отмахнулся Кирилл, – их обоих завтра в школу не пустят, нельзя с улицы брать, неразбериха настанет, сказал директор.

– Значит, котёнок Неразбериха, – сказал отец. – Тем более что это, кажется, кошечка. Ничего, до тёплых дней в школе побудет, а если нет, то у нас здесь. Ты, Зина, приходи его проводывать.

– Здорово! – подпрыгнула дошкольница, убегая.

А Глафира совсем по-мужски почесала затылок.

22.

Назавтра ещё одного котёнка принесла в школу обескураженная Катя, принёс и Валька. Эти четверо несостоявшихся Чижиков уверенно помахивали хвостиками, не признавали лотков, били лапами по подвешенной к нитке бумажной бабочке.

– Издержки славы, – объяснил Василий Игнатьевич. – Теперь наша школа пример для подражания. Это хлопотно, не спорю, но неизбежно. Поставьте новобранцев на

довольствие и потихоньку опрашивайте округу, кто согласен взять котёнка.

– Но где же Чижик? – спросила саму себя Надежда Павловна.

Два следующих вечера ребята продолжали искать котёнка. Будто это был потерянный ключик, без которого невозможно вернуться в дом. Уже все окрестные жильцы знали о пропаже и предлагали кошачков взамен. Но быстро понимали, что нужен именно Чижик, что он член школьной семьи.

А тут и четвёрка новоявленных котят пропала. Они были без ошейничков, с непривычки за ними не особенно следили, они вчетвером спали в последней свободной клеточке, постоянно при этом игрались-боролись – и никто не углядел, как они улизнули.

Не успел директор по-настоящему рассвирепеть, как подростков нашли в школьной котельной. И Чижика вместе с ними. Истопник Поликарпыч, вечно сонный, вины своей не признал.

– Чего мне в ваших классах делать, контрольные проверять? Ритка меня на порог не пустит, углём перемазанного. Пришёл Чижика – и на антрацит, уже сколько дней тут. Ласковый. Ест у меня с руки и водку мою пьёт.

Про водку он, конечно, шутил, но выходило по нему, что Рита за всё в ответе. Катя взяла Чижика и тут же стала вся чёрная от угольной шерсти. Такой же была и четвёрка, Вулкан вообще походил на настоящий вулкан после извержения, глаза смотрели сквозь пепел, как из жерла.

– Их же теперь и к ветеринарам не снесёшь, мыть их надо несколько часов, – сказала девочка.

– Кошек нельзя купать, – возразил Валька, подумал и добавил: – Но этих придётся немедленно. Поликарпыч, есть у тебя ведро? Я воды сейчас принесу.

– Чего, какой воды, – заартачился истопник.

– Давай, а то скажем, чтобы твою котельную на газ перевели, давно пора.

Все знали, что шальной Поликарпыч, полвека проведший у котлов, до сих пор истовый сторонник угля, он твердил, что уголь надо всегда иметь в заначке, как паровозы на запасном пути. Котельная уже несколько лет работала на газу, однако уголь истопник постоянно держал в углу, не позволяя его уносить. Хотя и заправлять его было некуда, топка давно иная, современная.

Директор углю лежать разрешал, не желая ухода разочарованного Поликарпыча. Но столь перемазанных котят он истопнику не простил бы. И ребята быстро, тайно принесли воды, подогрели и принялись окунать котят в ведро за шиворот.

Кошки визжали, чуть хмельной истопник смеялся, с ним и ребята. Ведь Чижик нашёлся. Радовал, будто медалька драгоценная. Пуская потоки чёрной воды, он нехотя возвращал исконный свой серенький цвет с жёлтыми подпалинами.

Вытерли хвостатиков истопниковыми тряпками и отнесли в живой уголок, никому не сказав, где нашли беглецов. Да и расспросов было мало, потому что все кинулись к Кате сообщать, что её мама заболела.

– Из больницы позвонили, прямо в учительскую, – сказала Надежда Павловна. – Давай мы с тобой сейчас к ней съездим. Не дай бог, из-за кошек ей плохо стало. Ты ведь говорила, что у неё аллергия.

23.

– У неё аллергия на меня, – ответила Катя, но было заметно, что она встревожилась.

Быстро забралась в школьную машину, с ней Кирюха. Надежда Павловна по дороге

вдруг заметила Кирюхиного папу, идущего по улице, и закричала на ходу:

– Пётр Иванович, к нам, с нами!

Остановились, отец, не спрашивая, залез на заднее сидение, рядом с сыном и учительницей. По дороге учительница ему всё объяснила. Она заметно оживилась, даже вроде обрадовалась.

– Говорят, Катина мама в вас влюблена, – неожиданно сказала, игриво подтолкнув плечом. Пётр Иванович принял шутливую игру:

– Это Катя виновата, хвалится дома дружбой с Кириллом, вот её мама тоже захотела дружить.

– Я не хвалюсь, – рассмеялась Катя. – А вы, Пётр Иванович, не против дружбы?

– Нет, что же в этом плохого.

– А я против, – сказала учительница уже без игривости. – Если вы на Катиной маме женитесь, то Кирюха и Катя станут братом и сестрой, куда это годится, будет супервулкан выше крыши.

– Супервулкан это не тот, что выше всех. Он просто спрятан жерлом в земле. Поэтому не извергается, а весь уходит на взрыв. Иеллоустонский вообще без конуса, в центре у него озёра и гейзеры, – произнёс Кирюха, не оборачиваясь.

– А бизоны вернулись? – учительница перевела разговор на безопасное. Но для Кирилла это было самым опасным.

– Нет, они ушли окончательно.

– Значит, взрыв всё-таки будет?

– Будет. Либо через сто дней, либо через сто лет. Для космоса это всё равно.

Включилась Катя:

– И американские правители это знают уже тридцать лет. Сразу перестали атомные бомбы делать, зачем они, раз континент всё равно погибнет. Вместо них секретные бункеры лепят и свои заводы по всему миру рассовывают. Чтоб был повод туда на первых порах перебраться.

– А что народ ихний?

– Народ ничего не знает, иначе давно бы неуправляемый демократический хаос устроил, панику всесветную. И полицией не остановишь.

– Ещё при вулканическом взрыве вся электронка рухнет в одно мгновение, – добавил Кирюха. – Ни ракета, ни самолёт не взлетит. Только с ихней тысячи военных баз в тысячах миль от Америки. Да и то, куда в такой момент лететь? Не к нам же в гости.

– Лучше давайте о другом, – взмолилась Надежда Павловна, а Пётр Иванович благоразумно промолчал. – Так есть у твоей мамы аллергия?

– Есть, но не на кошачью шерсть. На еду всякую заморскую.

Мама была в расписном домашнем халате и всю палату заставила кисточками для ногтей.

– Хотя бы телевизор включила, что ли, – сказала Катя слегка бесцеремонно.

– Ты же знаешь, что там по всем каналам жуют, – ответила мама нервно. – Раньше во всех фильмах партсобрания до утомления показывали, а теперь постоянно застолья глупые. Что за комплекс всеобщий, еда штука интимная. Ты ведь не будешь на уроке яблоко жевать. А тут полицай в одной руке наган держит, а в другой яблоко. Лучше уж пивную бутылку держал бы, достовернее будет.

На Петра Ивановича и учительницу она внимания почти не обратила, значит, про влюблённость Надежда Павловна выдумала, сама, небось, слегка влюблена.

Врач сказал, что у мамы аллергия от какой-нибудь айвы или кивы с обманчивым крыжовничьим вкусом. Сказал, что через пару дней выпишут, вот только анализы всякие сделают.

Катя приняла это равнодушно, как будто и не сомневалась.

Назад поехали напрямик к Петру Ивановичу. Надежда Павловна не сопротивлялась. Катя вообще ехала как к себе домой.

– Хоть посмотрю, как тут мои ученички поживают, – сказала учительница.

Глафира встретила всех радостно, сунула каждому по бутерброду с черникой. У неё всегда были редкостные запасы.

– Ну так что с вулканом будем делать? – спросила учительница.

– Просто жить, – ответил Кирюха. – Их, вулканов, сотни на планете тлеют. Разве о каждом думать? Тут лучше о Катиной маме позаботиться бы, что-то она раздражительная.

– Есть люди, которые о жизни думают в одном негативе, – сказала Катя. – Мама меня любит, но лишь про плохое постоянно говорит.

– А ты ей в ответ про хорошее, – мягко посоветовал Пётр Иванович. – Погода на

улице плохая, а ты говори, что хорошая. Она постепенно привыкнет.

– Ой, а я тоже иногда только плохое замечаю, – вздохнула Глафира Семёновна. – Сама себя за это порой ругаю. В жизни ведь всего поровну.

– Кошки хотя натерпелись, а ведь живут, – согласилась Надежда Павловна. – До лета дотянут, а там мы их раздадим.

– Или одомашним, – добавил Кирюха, – Они уже к школе привыкают.

– Валентин какой приятный мальчик сделался, – вдруг сказала Надежда Павловна. – И отец у него неплохой... Ой, мне домой пора, уж извините, хорошо у вас, да традиции школьные ждут.

– Вы же ещё поползней не видели, – сказала Катя. – Сейчас Кирюха включит.

– В другой раз, – сказала учительница.

– И вправду заходите, – попрощался Пётр Иванович.

Глафира проводила учительницу до порога, сунула в кармашек бутерброд. С улицы тянуло оттепелью.

